

АКАДЕМИЯ
МЕЖЗВЁЗДНОГО
ФЛОТА

: КАК ОБМАНУТЬ ХИЩНИКА

18+

— АНА ТИХАЯ —

Ана Тихая

Академия межзвёздного флота: как обмануть хищника

<https://litres.ru/74457658>

SelfPub; 2026

Аннотация

На Земле твоя жизнь стоит ровно столько, сколько ты способна отработать на заводе. Моя цена — свобода семьи и здоровье отца. Чтобы получить квоту, я должна поступить в Академию Межзвёздного Флота.

Проблема одна: мы для них — лишь слабый био-материал.

У Кайранов нет милосердия. Их эмпатия считывает панику, страх и пульс быстрее, чем разум успевает осознать угрозу. Чтобы пройти Отбор, я взломала собственную биологию, научившись принудительно гасить эмоции и удерживать пульс на грани спящего режима.

Никто не должен был заметить девчонку с отсталой планеты. Но мой «ледяной пульс» дал сбой в восприятии самого опасного Куратора Академии.

Он привык видеть чужую слабость насквозь. Я показала ему абсолютную пустоту.

Теперь его цель — сломать мой самоконтроль и заставить моё сердце биться так, как нужно ему.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ана Тихая

Академия межзвёздного флота: как обмануть хищника

Глава 1

Мне только-только исполнилось восемнадцать. Я заканчиваю обычный Земной кадетско-технический корпус в сером промышленном секторе, и у моей семьи нет ни долгов, ни роскоши — мы живем в бесконечном сером «нуле». Отец всю жизнь проработал на заводе по переработке тяжелых металлов, из-за чего страдает от хронического сухого кашля и постоянных проблем с легкими. Мать каждую ночь уходит на смены в логистический центр. На Земле для восемнадцатилетней выпускницы без денег и связей путь один — идти на тот же завод. Я безумно люблю родителей и каждый день вижу, как они медленно угасают от тяжелого труда, чтобы просто оплачивать аренду нашего скромного жилья и базовые лекарства.

Всё изменилось, когда Инквизиционный Флот объявил, что впервые за пять лет на Земле пройдет Планетарный От-

бор в Академию Межзвёздного Флота,

Условия отбора жесткие, но награда того стоит: каждому кандидату, прошедшему все испытания, выплачивается солидный подъемный капитал в межгалактической валюте. А главное — семья курсанта получает государственную квоту: полный переезд в зеленый экологический сектор Земли и пожизненное медицинское обеспечение. Для меня Академия — это не просто учеба или престиж. Это единственный реальный шанс спасти здоровье отца и вытащить мою семью из этой серой безысходности.

Но я прекрасно понимаю: другие расы превосходят нас, людей, физически по всем параметрам. У Кайранов — эмпатический био-анализ, у Аэранов — гипербусловленные рефлексы, у Тарков — сверхплотные мышцы. Против них идти с обычной школьной подготовкой кадетки — это чистое самоубийство. Поэтому последние шесть месяцев до Отбора я жила в режиме жесткого био-хакинга.

Чтобы противопоставить что-то Кайранам, я нашла в архивах старые земные методики спецслужб по глубокой регуляции дыхания и медитации. В заброшенном подвале кадетского корпуса я собрала самодельный стенд, прикрепив к груди старые медицинские датчики пульса. Я искусственно создавала себе адский стресс: включала на полную мощность оглушительный шум, поднимала температуру в помещении до предела, пробегала дистанцию до абсолютного изнеможения, а затем садилась на холодный бетон и принуди-

тельно заставляла сердце замедляться. Моя методика была проста: глубокий вдох по схеме «четыре секунды вдох — две секунды задержка — шесть секунд выдох» и сознательное расслабление мышц шеи и плеч. В результате я научилась буквально за десять секунд сбивать свой пульс со ста двадцати до пятидесяти ударов в минуту, полностью блокируя любые внешние проявления страха и паники.

Против Аэранов нужна была совсем другая тактика. Понимая, что их реакция в пять раз быстрее человеческой, на тренировочных симуляторах я училась стрельбе и бою не по факту, а на опережение. Я до миллиметра заучивала инерцию их движений: куда физически должен приземлиться соперник после очередного резкого рывка. Я тренировалась стрелять и наносить удары не туда, где враг находится прямо сейчас, а в ту самую точку, где он неизбежно окажется через мгновение.

К тому же я знала, что другие расы привыкли на сто процентов полагаться на свою умную броню, сенсоры и сканеры, которые бесполезны при сбоях. Поэтому я до автоматизма заучивала работу с примитивной земной механикой: на ощупь тренировалась обращаться с кинетическим оружием, стреляющим обычным порохом и свинцом, училась ставить стальные тросовые растяжки, собирать механические ловушки из подручного лома и ориентироваться в абсолютной темноте исключительно по звуку и движению воздуха.

Утро Отбора встретило Землю липким, прохладным ту-

маном.

Я стояла в шеренге среди сотен таких же восемнадцатилетних земных кадетов на бетонированном плацу корпуса. Вокруг висело густое, тяжёлое молчание. Каждый из нас знал, за что держится: кто-то мечтал о выходе в глубокий космос, кто-то спасался от нищеты, но в воздухе буквально физически ощущалась вибрирующая, нервная дрожь. Ребята вокруг мелко дышали, сжимали кулаки, вытирали влажные ладони о форму.

Я не вытирала. Я стояла, уставившись в серую дымку над горизонтом, и медленно, ритмично контролировала каждый выдох.

Четыре секунды... Две секунды... Шесть секунд.

Тяжёлый, глухой гул заставил задрожать бетон под нашими ногами. Из тумана, медленно рассекая влажный воздух, опустился штормовой челнок Инквизиционного Флота. Чёрный, хищный, поглощающий свет — он выглядел рядом с нашей земной техникой как смертоносный клинок.

Когда гидравлика аппарели зашипела и створка опустилась, на плац вышли представители Высших Рас. Инспекторы.

Но среди них выделялся один.

Он шагал впереди — высокий, в тёмной военной форме Куратора с золотыми знаками отличия Академии межзвёздного флота. Ему на вид было от силы лет двадцать один или двадцать два, но от него веяло такой абсолютной, смертонос-

ной уверенностью, какой не бывает у тех, кто не проливал кровь. Кайран. Настоящий эмпатический хищник.

Его тёмные, с янтарным отблеском глаза не выказывали ни малейшего интереса. Для него мы были лишь очередным био-материалом из отсталого сектора.

Он медленно пошёл вдоль нашей шеренги. Его фоновый био-анализ считывал толпу как открытую книгу. Я видела, как он даже не смотрит на кандидатов — его рецепторы собирали урожай из ускоренных пульсов, панического выброса адреналина и липкого страха.

Шаг. Ещё шаг.

Он приближался ко мне. Я чувствовала, как от его фигуры исходит сухое, жарящее тепло кайранской физиологии. Моё сердце попыталось совершить привычный панический скачок — естественная реакция жертвы перед хищником.

Вдох. Расслабить шею. Опустить плечи. Выдох.

Я принудительно утопила пульс на самое дно.

Офицер сделал шаг... и резко остановился прямо передо мной.

На мгновение его янтарные глаза чуть сузились. Его природное восприятие дало сбой: посреди бушующего моря людской паники, где у каждого первого сердце колотилось под сто тридцать ударов, а воздух пропитался гормонами страха, прямо перед ним стояла девчонка с ровным, ледяным ритмом — всего пятьдесят два удара в минуту. Ни паники. Ни единого всплеска.

Он медленно повернул голову и впервые посмотрел мне прямо в глаза.

— Номер 47, — его голос прозвучал низко, бархатисто и невероятно сухо. — Твой организм не выделяет адреналин. Ты либо слишком глупа, чтобы осознать, куда пришла... либо думаешь, что сможешь обмануть мои рецепторы.

Я не отвела взгляда. Лишь слегка приподняла подбородок, сохраняя идеальный ритм дыхания.

— Я просто сберегаю ресурс для испытания, Куратор.

На его бессмысленно красивом, жестком лице на долю секунды проскользнула тень искреннего изумления. Он ничего не ответил, лишь смерил меня долгим, вдумчивым взглядом и пошёл дальше.

Но я знала: первый раунд остался за мной. Я заставила его запомнить мой номер.

Офицер пошёл дальше вдоль шеренги, но напряжение в воздухе, кажется, только сгустилось. Ребята, стоявшие рядом со мной, старались даже не дышать. В нескольких шагах справа от меня у одного из кадетов подкосились колени — парень просто не выдержал давящего, тяжелого присутствия кайранской инспекции и тяжело опустился на сухой бетон. Инспекторы даже не повернули голов. Слабые отсеивались сами.

— Внимание, кандидаты, — раздался резкий, усиливаемый динамиками голос старшего офицера, стоящего у челока. — Первый этап Отбора проходит непосредственно на

борту транспортировочного судна. Время на посадку — две минуты. Опоздавшие дисквалифицируются на месте.

Толпа пришла в движение. Медлить было нельзя.

Внутри штурмовой челнок выглядел ещё более чужеродным, чем снаружи. Никаких мягких кресел, комфорта или обивки — только холодный, тускло освещенный трюк с вертикальными стойками фиксации вдоль стен. Помещение быстро наполнялось кадетами, и температурный режим внутри мгновенно начал расти.

Я заняла стойку у дальней стены, продев руки в ремни безопасности. Металлические зажимы со щелчком зафиксировали грудь и плечи.

И тут же над нами зажглись голографические панели. На каждой высвечивался цифровой счетчик и биометрические показатели кадета. Мой номер — **47** — мигал в углу трюма.

Рексар — я увидела его золотые знаки отличия, когда он поднялся на мостик наблюдения над трюмом — встал у прозрачного бронестекла. Оттуда он с высоты оглядывал всех нас.

— Набор высоты через пять секунд, — сухо прозвучал голос ии-ассистента. — Напоминаем: задача первого этапа — сохранить сознание и контроль над показателями жизнедеятельности при перегрузке в двенадцать g.

По трюму прошла волна панического шепота. Двенадцать g для нетренированного человеческого тела — это мгновенная потеря сознания, срыв ритма сердца и потемне-

ние в глазах. Высшие расы переносили такое благодаря биологии, а нам предлагалось просто выжить.

— Начинаем, — отрывисто произнес Куратор сверху.

Двигатели челнока взревели. Стены задрожали с такой силой, что зубы мгновенно заныли от вибрации. А затем мир вокруг просто рухнул вниз.

Колоссальная, нечеловеческая тяжесть вдавила меня в металлическую стойку. Легкие мгновенно сжались, словно на грудную клетку упала многотонная плита. Воздух вышибло из груди. В глазах с краев начала скапливаться плотная, липкая темнота. Вокруг меня уже слышались стоны и хрипы — кадеты один за другим теряли сознание, их тела бессильно повисали на ремнях фиксации.

Так... Вот оно.

Мой мозг панически требовал делать частые, судорожные глотки воздуха, но я знала: так я отключусь через три секунды.

Четыре секунды... Вдох через нос... Напрячь пресс, чтобы удержать кровь в голове...

Две секунды... Задержка...

Шесть секунд... Медленный, контролируемый выдох...

Я силой заставила мышцы шеи не зажиматься, несмотря на то что голова весила сейчас не меньше центнера. Взгляд затуманился, но я упорно смотрела вверх — прямо на мостик наблюдения.

Среди размытых контуров я отчетливо видела фигуру Ку-

ратора. Он стоял у стекла, скрестив руки на груди, и смотрел на центральную панель мониторинга.

Там, среди десятков красных, сбоящих и гаснущих индикаторов пульса, ровной зеленой точкой горел один-единственный био-сигнал.

Номер 47. Пульс: 65. Стабилен.

Я видела, как он медленно наклонился вперед, опираясь ладонями о поручень, и вгляделся в темноту трюма — прямо туда, где в фиксаторах висела я. Его янтарные глаза в темноте считывали не просто цифры на табло. Он чувствовал, как я намертво держу свой внутренний ритм, отказываясь проиграть его физиологии.

Перегрузка нарастала, челнок пробивал плотные слои атмосферы Земли, выходя на орбиту. Сознание уплывало на самой грани, но я продолжала дышать.

Четыре... Две... Шесть.

Я не отключусь. Не сегодня.

— Набор высоты завершен. Стабилизация гравитации, — бесстрастный голос искина прозвучал райской музыкой.

Тяжесть, давившая на грудь, исчезла так резко, что я непроизвольно качнулась вперед, удерживаемая только ремнями. Сердце сделало один мощный, панический толчок — компенсация за минуты запредельного напряжения — и я тут же принудительно загнала его обратно в ритм.

Вдох. Выдох. Пятьдесят восемь ударов.

В трюме царил тишина, нарушаемая лишь шипением

гидравлики и тяжелым, хриплым дыханием тех немногих, кто остался в сознании. Я огляделась. Из сотни кадетов Земного корпуса, вошедших в этот отсек, на ногах стояли от силы человек пятнадцать. Остальные висели на ремнях, как тряпичные куклы, бледные, с тонкими струйками крови из носа. Медицинские дроны уже отцепляли их и уносили в шлюз — для них Отбор был закончен, не успев начаться. Они получают утешительную компенсацию, но не квоту для семьи.

Я подняла голову.

Рексар всё еще стоял у стекла. Нас разделяли десятки метров и бронированная перегородка, но я физически чувствовала его взгляд. Это не было тепло. Это был холодный, препарирующий интерес ученого, обнаружившего неизвестный вид микроба, который отказался сдыхать под микроскопом. Он что-то негромко сказал стоявшему рядом адъютанту-аэрану, и тот быстро застучал по голографической клавиатуре.

Я знала, что сейчас в моем личном деле в базе данных Академии Межзвёздного Флота появилась первая жирная отметка. И поставил её лично Куратор.

Нас, выживших в «адском лифте», перевели в другой отсек — просторную, стерильно-белую цитадель с высокими потолками. Здесь уже было людно. Кандидаты с других секторов Земли, а также представители других цивилизаций, прошедшие свои этапы Отбора.

Я впервые увидела их так близко.

Справа от нас, сгруппировавшись, стояли Аэраны. Высокие, тонкокостные, с кожей, отливающей серебром, и неестественно длинными пальцами. Они двигались так быстро и плавно, что их перемещения казались смазанными, словно зрение не успевало фиксировать промежуточные фазы движения. Они переговаривались на свистящем, щелкающем языке, поглядывая на нас свысока.

Чуть поодаль, занимая добрую треть отсека, расположились Тарки. Настоящие горы мускулов и костяных пластин вместо кожи. Самый низкий из них был на голову выше самого высокого человека. От них пахло озоном и сырым мясом. Один из Тарков смерил меня взглядом и презрительно фыркнул, из-за чего из его ноздрей вырвались облачка пара.

Мы, люди, на их фоне выглядели заморышами. Болезненными, слабыми созданиями, по недоразумению попавшими на этот праздник силы и технологий. Я видела, как упал дух у моих товарищей. На плацу мы были лучшими из сотен. Здесь мы были грязью под ногами Высших.

— Внимание, кандидаты! Получить базовый комплект и нейро-переводчик! — раздался громкий командующий голос ассистента.

Платформа в центре зала зашевелилась, и из подпольных ниш поднялись стойки со снаряжением. К каждому из нас подлетел небольшой круглый дрон. В его манипуляторе была зажата крошечная, размером с рисовое зернышко, гипо-

дермическая капсула.

— Для тех, кто впервые покидает свою планету и не владеет общегалактическим языком «Стандарт-1»: приготовить шею, — механически отчеканил ассистент. — Внешний лингво-адаптер. Мгновенная синхронизация с языковыми центрами мозга.

Я не стала колебаться. Шагнула к дрону и чуть наклонила голову.

Пиик!

Лёгкий, прохладный укол в район сонной артерии, и в затылке на секунду вспыхнула сухая, тупая боль. В ушах резко зазвенело, воздух на мгновение показался слишком плотным, а затем... странные щелкающие звуки, на которых только что разговаривали Аэраны, вдруг разобрались на вполне понятные, хоть и сглаженные синтезатором слова.

— ...земные слизни едва дышат, — донёсся до меня пренебрежительный, свистящий голос одного из серебрянокожих. — Куратор тратит на них слишком много времени.

Я даже не повернула головы, продолжая закреплять на поясе базовый набор: легкую тканевую броню, стандартный кинетический пистолет и запасные обоймы. Нейро-переводчик работал идеально. Теперь я понимала каждое их слово. Но главное — они по-прежнему считали, что человек перед ними не представляет никакой угрозы.

— Тишина! — голос Рексара, вошедшего в отсек, мгновенно заморозил все разговоры. Он больше не был на мости-

ке, он был здесь, среди нас.

Он шел по центральному проходу, и расы непроизвольно расступались перед ним. Даже Тарки, чья культура строилась на праве сильного, инстинктивно подбирались и опускали взгляды. Кайранская доминанта действовала на всех.

Он остановился в центре, и проекторы высветили над ним гигантскую трехмерную схему какого-то сооружения.

— Первый этап отсеял слабых телом. Второй этап отсеет слабых разумом, — произнес он, и его взгляд — хищный, янтарный — медленно прошелся по шеренге людей, задержавшись на мне на долю секунды дольше, чем на остальных. — Перед вами — Лабиринт Мёбиуса. Симуляция боевой зоны с переменной геометрией и непредсказуемыми угрозами.

Схема замигала, показывая запутанные ходы, ловушки, зоны аномальной гравитации и автоматические турели.

— Ваша задача — добраться до центрального хаба и захватить флаг-маяк. Сделать это может только один. Время ограничено. В лабиринте разрешено применение любых средств.

Я почувствовала, как пересохло в горле. «Разрешено применение любых средств». Это означало, что Тарк может просто раздавить мне голову, если я встану у него на пути.

— У вас есть десять минут на подготовку и изучение схемы. Испытание начнется без предупреждения.

Рексар развернулся и пошел к выходу, но у самой двери остановился и, не оборачиваясь, бросил:

— И помните: в Лабиринте ваш пульс никого не интересует. Там важна только скорость реакции.

Это было сказано для всех, но я знала: это было сказано мне. Он бросил мне вызов. Он хотел посмотреть, как моя «ледяная выдержка» поможет мне против костяного кулака Тарка или мономолекулярного клинка Аэрана.

Я посмотрела на схему Лабиринта. Сотни ходов, тупиков и смертельных ловушек. Мои товарищи судорожно пытались запомнить маршрут.

Я же смотрела не на маршрут. Я искала вентиляционные шахты, сервисные панели, зоны, отмеченные как «технически нестабильные». Туда, куда Высшие, привыкшие полагаться на свою силу и броню, даже не посмотрят.

Шесть месяцев я училась работать с примитивной механикой в темноте. Я заучивала инерцию движений Аэранов на симуляторах.

Что ж, Куратор. Вы хотите увидеть скорость реакции? Я покажу вам кое-что получше. Я покажу вам, как человек умеет выживать, когда у него отнимают всё, кроме его разума.

Я закрыла глаза и сделала глубокий, размеренный вдох.
Четыре секунды... Две... Шесть.

Когда я открыла глаза, страха больше не было. Был только сухой, математический расчет. Я готова.

Двери отсека бесшумно ушли в стены, и перед нами открылась бездна.

Лабиринт Мёбиуса не был похож на обычное здание. Это был гигантский трансформирующийся сектор: стены из тёмного матового металла постоянно сдвигались, создавая глухой промышленный гул, переходы висели над тёмными шахтами провалов, а сверху моргали холодные синие лампы аварийного освещения.

Звук сирены прорезал воздух — испытание началось.

Тарки рванули вперёд первыми. Их тяжёлые шаги заставили металлический пол вибрировать. Они ломались по центральному коридору, полагаясь на таранную силу и костяную броню. За ними, почти не касаясь пола серебряными стопами, метнулись Аэраны — молниеносные, как ртуть, они мгновенно рассредоточились по флангам и верхним технологическим мосткам.

Мои земляки-кадеты, поддавшись панике, ринулись за толпой в центральный шлюз.

Ошибка.

Я знала: в узком горлышке главного коридора Высшие просто растопчут людей, даже не заметив. Поэтому, пока остальные бежали вперёд, я шагнула влево — к тёмной, едва заметной нише, где на стене висел сервисный щит.

Шесть месяцев практики с древней земной механикой не прошли даром. Я не стала взламывать электронный замок — на это ушли бы минуты. Вместо этого я вытащила из набедренного чехла тяжёлый стальной штырь, вставила его в зазор между технической панелью и рычагом аварийного сброса и

навалилась всем весом.

Кр-р-рак!

Металл скрежетнул, искры брызнули в стороны, и тяжёлая стальная решётка технического коллектора опустилась. Перед мной открылся узкий, затянутый пылью и паутиной проводов вентиляционный лаз. В нём не было гравитации и света. Вышие с их габаритами и высокотехнологичными сканерами сюда бы просто не пролезли, да и не подумали бы спуститься в «грязь».

Я нырнула в темноту.

Здесь, в потемках между несущими стенами Лабиринта, стоял густой запах озона и горячего масла. Я двигалась на ощупь, задействовав только слух и осязание. По вибрации стенок шахты я точно определяла, где в соседних коридорах идут бои: вот глухой удар — Тарк впечатал кого-то в металлическую перегородку. Вот сухой, ультразвуковой щелчок — Аэран активировал световой клинок.

Вдох на четыре... Задержка... Выдох на шесть.

Сердце стучало в ритме пятьдесят четыре удара. Никакой паники. В темноте мой мозг превратился в холодный компьютер.

Через десять минут ползания по узким трубам я добралась до технической развилки прямо над третьим сектором. Сквозь решётку в полу шахты был виден залитый тревожным красным светом коридор.

И там разворачивалась бойня.

Один из Аэранов — невероятно быстрый, с двумя узкими клинками в руках — зажал в тупике двоих наших кадетов. Его движения были смазанной полосой: шаг, молниеносный росчерк света — и земные парни падали на бетон с парализованными конечностями. Аэран даже не тяжело дышал. Он снисходительно улыбнулся, готовый добить последнего.

Он не знал, что над его головой, в тени вентиляции, сижу я с кинетическим пистолетом.

Я знала: выстрелить в Аэрана по факту — бесполезно. С его рефлексами он уклонится от пули раньше, чем я дожму спуск.

Не туда, где он сейчас. А туда, где он будет.

Я до миллиметра знала фехтовальную стойку Аэранов. После завершающего нижнего удара их биомеханика требует мгновенного отскока назад и влево — для баланса.

Я не стала целиться в самого Аэрана. Я навела ствол кинетического пистолета в пустую, тёмную точку на полу в трёх метрах за его спиной. В ту самую точку, куда он неизбежно должен приземлиться через полсекунды.

Щёлк.

Я нажала на спуск. В замкнутом пространстве заурадный, примитивный выстрел порохового патрона прозвучал как взрыв гранаты.

Аэран мгновенно среагировал на звук — как я и рассчитывала, он сделал идеальный, молниеносный отскок назад и влево... и сам, на полной скорости, налетел затылком на ле-

тящую свинцовую пулю.

Бам!

Удар кинетической пули сбил его энергетический щит. Аэран нелепо взмахнул руками и тяжело рухнул на спину, потеряв сознание.

Кадет, стоявший перед ним, застыл с открытым ртом. Я аккуратно выбила носком ботинка решётку вентиляции, мягко приземлилась рядом с бессознательным Аэраном и быстро забрала его электронный ключ-карту и снайперский модуль.

— Забирай своего напарника и ползите в технический шлюз, — сухо бросила я ошеломленному кадету. — Скоро сюда прибегут Тарки на звук выстрела.

Парень судорожно кивнул, подхватил оглушённого друга и помчался к безопасности. А я подпрыгнула, зацепилась за край вентиляции и снова ушла в тень.

Я знала, что прямо сейчас на мостике наблюдения Рексар смотрит на экраны. Он видит, как гаснет маркер Аэрана, и считывает мои биометрические данные: **Номер 47. Пульс: 53.** Я буквально чувствовала, как он там, наверху, понимает: я не просто сдерживаю сердцебиение. Я просчитываю каждый шаг его идеальных бойцов.

Я пролезла по вентиляционному каналу ещё метров две-сти, пока гул не сменился тишиной. Шахта обрывалась над гигантским круглым залом.

Центральный Хаб.

Сам зал выглядел впечатляюще: высокий купол, а в самом центре, на возвышении из черного гладкого гранита, парил голографический флаг-маяк.

Но взять его просто так было невозможно. Внизу, у подножия постамента, расположились трое Тарков. Самый крупный из них небрежно держал на плече массивный двухручный молот. Они просто заняли единственную позицию, с которой просматривался весь зал, и ждали. Слева, в тени колонны, замер еще один выживший Аэран.

Патовая ситуация.

Вдох. Задержка. Выдох. Пятьдесят два удара в минуту.

Я медленно окинула взглядом потолок зала. Прямо над постаментом пересекались гидравлические трубы. Одна из них — магистраль с хладагентом — прогнила и покрылась инеем. Земная техника, оставленная без ухода.

Высшие расы привыкли искать *врага*. Они не смотрят на заржавевшие трубы.

Я достала из чехла снайперский модуль, отобранный у Аэрана, и пристыковала его к своему кинетическому пистолету. Целилась я не в Тарков. Наставила ствол прямо в заиндевевший стык гидравлической трубы над их головами.

Щёлк.

БУУУУМ!

Струя сжиженного ледяного газа под диким давлением с ревом вырвалась наружу, заполнив центральную часть зала густым, непроницаемым белым паром. Температура мгновенно

венно упала до минус сорока градусов. Сенсоры Тарков и Аэранов мгновенно ослепли.

— Что за...?! — взревел один из Тарков, слепо маша молотом в белом тумане.

Пока они дезориентированно кашляли, я просто отжала аварийный фиксатор вентиляционной решётки и скользнула вниз.

Без шума. Без адреналина.

Я падала сквозь ледяной пар, как тень. Благодаря полугоду тренировок мой организм не отозвался на холод паникой. Я точно приземлилась на костяные плечи стоящего в тумане Тарка, оттолкнулась от него и в один прыжок оказалась на гранитном постаменте.

Моя рука сжала холодный, вибрирующий цилиндр флага-маяка.

Сирена завершения испытания оглушительно взревела над куполом забора. Белый пар начал быстро отсасываться вентиляционной системой.

Когда туман полностью рассеялся, картинка оказалась сумасшедшей: у подножия стояли трое огромных, покрытых инеем и снегом Тарков и ошеломленно застывший в прыжке Аэран. А на самом верху постамента, сжимая трофейный флаг в руке, стояла я. Восемнадцатилетняя кадетка с Земли.

Моё дыхание оставалось ровным. Лицо — абсолютно невозмутимым.

Четыре секунды... Две... Шесть.

Я подняла голову и посмотрела наверх, прямо на мостик наблюдения. Из-за бликов на бронированном стекле я не видела лица Рексара, но точно знала: он смотрит на меня.

Через секунду динамики под куполом щелкнули, и на весь замерший Хаб раздался его низкий, сухой голос:

— Испытание окончено. Победа засчитана кандидату номер сорок семь.

К постаменту уже подлетали медицинские и досмотровые дроны. Я выпустила флаг из пальцев, чувствуя, как внутри нарастает усталость после дикого напряжения, но спину держала идеально ровно.

Первый шаг к спасению семьи был сделан. Я прошла Отбор.

Глава 2

Медицинский блок Академии Межзвёздного Флота больше напоминал лабораторию глубокого космоса: всё из полированного матового металла, прозрачные силовые ниши и тихий, монотонный гул сканеров.

Меня поместили в прозрачный капсульный сканер. По телу с головы до ног медленно проплыло широкое кольцо мягкого янтарного света, считывая всё: от плотности костной ткани до структуры молекул крови.

— Фантастическая адаптивность, — раздался сухоноватый голос врача-гибрида, который вводил данные в голографический планшет. — Никаких надрывов сердечной мышцы после двенадцати g, микроциркуляция в норме. Организм функционирует в режиме идеального сбережения ресурсов. Кандидат номер сорок семь, вы свободны.

Но стоило мне ступить на холодный пол и застегнуть плотную куртку, как тяжелые двери медотсека бесшумно раздвинулись.

В проеме стояли двое конвоиров в угольно-черной форме Инквизиционного Флота. Их лица скрывали гладкие тёмные визоры шлемов, но по ширине плеч и выправке угадывались кайранские гвардейцы.

— Кандидат сорок семь, — произнес один из них. Голос звучал глухо через решетку фильтра. — Проследуйте за на-

ми.

— В жилой сектор рекрутов? — спокойно уточнила я, застегивая манжету.

— В личный сектор Куратора.

Мои земляки-рекруты, выходявшие из соседних диагностических боксов, мгновенно застыли. В их глазах читался немой ужас. Вызов к Куратору Инквизиции сразу после Отбора обычно не пророчил ничего хорошего — в слухах о Кайранах их жестокость и доминантность описывались с особым вкусом.

Я не стала задавать лишних вопросов.

Вдох на четыре... Задержка... Выдох на шесть.

Пульс — пятьдесят четыре.

Мы шли по бесконечным, безукоризненно чистым коридорам верхнего яруса. Чем выше мы поднимались, тем меньше вокруг становилось людей и шумной техники. Напряженная, давящая тишина заполнила воздух.

Гвардейцы остановились перед массивными двустворчатыми дверями из темного, почти черного сплава с золотой гравировкой символов Флота. Старший приложил ладонь к панели.

Двери с мягким шипением разъехались.

— Входите. Куратор ожидает.

Я сделала шаг вперед, и двери за моей спиной немедленно схлопнулись, отсекая все внешние звуки.

Личные покои Рексара разительно отличались от стериль-

ного медицинского бокса и серого металла транспортировочных трюмов. Огромное панорамное окно во всю стену открывало вид на темную бездну космоса и проплывающий внизу голубоватый диск Земли. Помещение было оформлено в строгих, темных тонах с деталями из шлифованного дерева и золота. В воздухе витал сухой, едва уловимый запах озона, специй и горячего металла — естественный фон кайранской физиологии.

За тяжелым письменным столом из темного камня спиной ко мне стоял он.

Без парадного кителя — только в тонкой черной форменной рубашке с засученными до локтей рукавами, подчеркивающей мощный размах плеч.

Рексар Дрейк медленно повернулся. В тусклом вечернем свете панорамного окна его янтарные глаза казались раскаленными углями.

— Рекрут сорок семь, — его голос прозвучал низко, бархатисто и медленно, проникая прямо под кожу. — Или мне следует называть тебя по имени?

— Рекрут Земного корпуса, Куратор, — ответила я, ровно держа осанку и глядя ему прямо в глаза.

Он сделал медленный, хищный шаг в мою сторону. От его фигуры волной исходило сухое, осязаемое тепло, от которого воздух между нами словно слегка задрожал.

— За всю историю Планетарного Отбора на Земле, — он остановился в двух шагах от меня, смерив мой рост долгим,

тяжелым взглядом, — ни один человек не обходил Аэранов на опережение. И ни один человек не заставлял Тарков замерзать в тумане собственной глупости.

Он чуть наклонил голову, и его янтарный взгляд сузился, считывая меня, как открытую страницу.

— Твой биологический вид слаб. У вас нет брони, нет эмпатии, нет скорости. Но ты прошла Лабиринт за четырнадцать минут, не подставившись ни под один прямой удар.

— Я использовала те ресурсы, которые были мне доступны, — сухо произнесла я, удерживая ритм дыхания.

— Ты использовала сухой, ледяной расчет, — поправил он.

Рексар сократил дистанцию ещё на шаг. Теперь он возвышался надо мной, полностью перекрывая свет панорамного окна. Давление его кайранского присутствия было почти физическим — тяжелым, доминирующим, требовавшим немедленно опустить глаза и подчиниться.

Я не опустила.

— Твои биометрические данные до сих пор показывают пятьдесят два удара в минуту, — тихо, почти с опасной заботой произнес он. — Стоя в покоях Куратора Инквизиции. Без оружия. Одна.

Он медленно поднял руку. Я не шелохнулась, хотя каждый инстинкт говорил отскочить.

Его пальцы — длинные, сильные, с горячей, суховатой кожей — обхватили мое левое запястье. Жестко. Уверенно.

Точно на точке пульсации артерии.

Термометрический и эмпатический анализ Кайранов работал мгновенно. Я ощутила, как сквозь его ладонь в мое тело проникает импульс чужой, дикой энергии — попытка спровоцировать мой организм на вспышку страха, расшатать мой контроль.

Его жар обжигал кожу через рукав формы. На долю секунды мое сердце судорожно дернулось, застигнутое вплотную этим контактом.

Вдох. Четыре секунды.

Задержка.

Выдох. Шесть секунд.

Я заставила тепловую волну раствориться в легких. Мой пульс под его пальцами, сделав один споткнувшийся удар, снова выровнялся в невозмутимый, ледяной, размеренный стук.

Тук... Тук... Тук...

Я посмотрела снизу вверх прямо в его горы янтарного огня.

— Вы проверяете мою реакцию, Куратор? Или ищете сбой в системе?

Рексар не разжал пальцев. Напротив, его хватка на моем запястье чуть сжалась — не до боли, но так, чтобы я физически ощущала каждую секунду этого касания.

На его бессмысленно красивом, жестком лице не проступило ничего, кроме глубокого, тёмного интереса. Настояще-

го хищника, который встретил добычу, умеющую становиться невидимой.

— Я просто хочу знать, где заканчивается твоя выдержка, — тихо проговорил он, и в его янтарных глазах вспыхнул опасный огонёк. — Поверь, я это узнаю.

Рексар медленно разжал пальцы, освобождая моё запястье. Место его касания до сих пор горело от сконцентрированного кайранского тепла, но я даже не попыталась растереть кожу.

— Вызвали меня только для того, чтобы замерить мой пульс, Куратор? — спросила я, сохраняя безупречно ровную интонацию.

— Я вызвал тебя, чтобы отдать приказ, — он отступил на полшага, возвращая между нами дистанцию, но его янтарные глаза по-прежнему не выпускали меня из прицела. — По результатам перегрузки и Лабиринта ты проходишь на финал Отбора. И как лидер рейтинга среди рекрутов имеешь право выбрать профиль для заключительного теста.

Он повернулся к столу и легким касанием пальца активировал голографическую панель. В воздухе вспыхнул трехмерный список квалификаций: *Тактический, Боевой, Пилотаж, Технический инжиниринг*.

— По общей классификации твой вид отправляют на технические ярусы или в обслуживание, — продолжил Рексар, и в его голосе прозвучали сухие, металлоконструкционные нотки офицера. — Вы слабы физически. Но твой показатель

тактической интуиции и нестандартного мышления — выше, чем у девяноста процентов курсантов-аэранов.

— Моделирование и боевое тактирование, — без колебаний ответила я.

Рексар чуть приподнял бровь, явно оценив скорость моего ответа:

— Ожидаемо. Значит, на третьем испытании ты будешь работать по тактическому протоколу. Но с этого момента ты переходишь под мое личное курирование. Вся твоя подготовка и допуски будут проходить через этот кабинет.

— Почему?

— Потому что в Лабиринте ты нарушила порядок, рекрут, — сухо произнес он. — А я не люблю неучтенные переменные. Ты будешь под моим личным наблюдением, пока я не пойму, на что именно способен твой вид.

Рексар вернулся за стол, давая понять, что разговор окончен.

— Третий этап Отбора — в ноль шестьсот. Нижний полигон «Слепая зона». Свободна.

Я четко отдала честь по уставу Флота, развернулась на каблуках и направилась к выходу.

«Ноль шестьсот»... На армейском языке это означало ровно шесть утра. Земляне так не говорили, но мне нужно было учиться мыслить категориями Флота. И делать это быстро.

Запястье все еще помнило его горячие пальцы, но шаг

оставался чеканным.

Когда тяжелые двери за моей спиной закрылись, отсекая тишину его покоев, я сделала первый нормальный вдох за последние двадцать минут.

Вдох на четыре... Выдох на шесть.

Пульс — пятьдесят шесть. Контроль сохранен. Первые два этапа — перегрузка в 12g и Лабиринт Мёбиуса — были лишь проверкой тела и реакции. Завтра в «Слепой зоне» нас ждал прямой командный бой. И чтобы получить билет на Главную Станцию Академии, мне придется переиграть превосходящих врагов на их же территории.

В ноль пятьсотен сорок пять я уже стояла в предэкипировочном шлюзе Нижнего полигона. Воздух здесь был холодным, с тяжелой примесью озона и оружейного масла.

Нас осталось всего тридцать человек из первоначальных трехсот. И среди монолитных бронированных фигур Тарков и грациозных, высоких Аэранов четко выделялась наша тройка.

Тео — кадет-технарь с нашего курса — нервно поправлял манжету технологического сканера на предплечье. Лео, обучавшийся на земляном потоке штурмовой подготовки, молча разминал плечи, не спуская настороженного взгляда с группы Аэранов, шептавшихся в углу.

— До сих пор не верю, что мы прошли Лабиринт, — тихо проговорил Тео, пододвигаясь ко мне. — В техотсеке говорят, из земного набора выбили девяносто процентов каде-

тов. Остальных списали в обслуживающий корпус. Нас всего трое на весь боевой поток.

— Значит, работать придется за троих, — ответила я, проверяя крепления тактического жилета. — Что по снаряжению?

— Нам выдали стандартные импульсные маркеры нулевого урона и сенсорные бронепластины, — быстро отпортовал Тео. — Одно попадание — и пластина блокирует суставы, фиксация «смерти». Но интерфейс управления у них кайранский. Я едва успеваю считывать показатели, земляные кадетские базы сильно отличаются.

— Я перенастрою твой модуль перед входом, — я протянула руку и несколькими точными касаниями перевела сенсорную панель его жилета на упрощенный графический режим. — Лео, что у тебя?

— Заряжен и готов, — отозвался Лео, сжав рукоять импульсной винтовки. Наш земляной норматив по силовой подготовке он сдал лучше всех, но здесь правила игры были другими. — Только эти аэранские гордецы смотрят на нас как на пушечное мясо. Говорят, на этом этапе кадетов перемешают в отряды. Если нас поставят в авангард щитом для Тарков — мы вылетим в первую же минуту.

— Не поставят, — ровно ответила я. — В «Слепой зоне» отключена гравитация и освещение. Это не лобовая атака, а асимметричный бой. Если мы будем дергаться — нас перестреляют по тепловым меткам. Слушать только мои коман-

ды.

— Рекруты, построиться в контур! — прогремел над шлюзом распределительный динамик.

Тяжелая гермодверь с шипением ушла в потолок, открывая провал абсолютной, непроницаемой тьмы Нижнего полигона.

Офицер в темно-серой форме Флота вышел в центр предэкипировочного шлюза, сжимая в руках голографический планшет.

— Деление на группы завершено, — разнесся по помещению сухой, лишенный эмоций голос инструктора. — В отряде «Дельта-4» назначается старший: рекрут Вэлор, аэранский поток. В состав группы входят: два рекрута-аэрана, один тарк и рекруты с Земли — Тео, Лео и Майя.

Из шеренги выступил высокий, аристократично сложенный аэран с хрустально-серыми глазами. Вэлор скользнул по нам брезгливым взглядом и тут же повернулся к инструктору:

— Сэр, присутствие сразу троих землян в моей тактической группе снижает общую боеспособность отряда на шестьдесят процентов. Они не адаптированы к темпу Аэрана в невесомости. Прошу перевести их в группу поддержки или отвлечения.

— Прошение отклонено, Вэйлор, — чеканно отрезал офицер. — Настоящий бой не выбирает союзников. Занять исходные позиции!

Вэлор сжал губы и с едва скрываемым раздражением повернулся к нам, как только инструктор отошел.

— Слушать сюда, земляне, — пренебрежительно чеканя слова, произнес аэран. — Мой сородич и я берем на себя атакующий вектор. Тарк идет впереди как силовой заслон. Вы двое, — он ткнул пальцем в Лео и Тео, — держитесь сзади и не отвешивайте. А ты, — его взгляд остановился на мне, — будешь нести дополнительный комплект импульсных батарей. Если помешаете выполнению задачи — я сдам вас судейской коллегии как балласт.

Лео сжал кулаки, намереваясь шагнуть вперед, но я слегка задела его локтем, останавливая.

— Какой алгоритм обнаружения ты планируешь использовать в условиях полного отключения сенсоров, Вэлор? — ровно спросила я.

Аэран высокомерно чуть приподнял бровь:

— Базовый кайранский протокол веерного поиска. Мы сгруппируемся и подавим противника плотностью огня.

— Протокол веерного поиска в «Слепой зоне» эффективен только при наличии радиосвязи, — так же спокойно возразила я, смотря ему прямо в глаза. — На Нижнем полигоне включен подавитель сигналов. Если вы сгруппируетесь, первый же рекрут из противников с тепловым сканером накроет весь ваш «веер» одной импульсной серией. И мы вылетим из Отбора всей пятеркой в первые тридцать секунд.

Вэйлор осекся. На его лице вспыхнула тень замешатель-

ства, но он мгновенно вернул маску превосходства:

— И что ты предлагаешь, рекрут? Сдать командование землянке?

— Я предлагаю выжить, — ответила я, выведя на компактный экран своего предплечья схематичную карту полигона. — Вы с Тарком — идеальные мишени из-за высокой массы и теплового отклика. Мы с Тео и Лео меньше, быстрее адаптируемся к узким вентиляционным проходам и держим холодный пульс. Мы будем вашей тактической сетью: находим врага, даем вам точки для удара и выходим из зоны поражения до того, как они поймут, откуда прилетел выстрел.

Тарк, стоявший за спиной Вэйлора, низко рыкнул, оценив логику:

— Землянка дело говорит, Вэйлор. Твой «веер» нас сожжет.

Аэран поджал губы, смерив меня долгим, пытливым взглядом. На мгновение в его глазах проскочило то же удивление, что и у Рексара пару часов назад.

— У тебя есть десять секунд после входа во тьму, чтобы доказать, что твой план работает, — процедил Вэлор. — Не докажешь — вернемся к моей схеме.

— Времени хватит, — суховати ответила я.

Сирена шлюза взревела трехкратным оглушительным сигналом. Свет над головами погас, и тяжелая броневая заслонка с грохотом ушла вверх.

В лицо ударил ледяной поток воздуха из невесомого трю-

ма.

Вдох на четыре... Выдох на шесть.

Пульс — пятьдесят четыре.

— За мной, — шепнула я Лео и Тео, первой отталкиваясь от поручня и соскальзывая в непроглядную, абсолютную тьму «Слепой зоны».

Абсолютная тьма полигона встретила нас запахом озона и металлических подвесок, затерянных в огромном пространстве старого ангара. Гравитация была отключена, и тела мгновенно потеряли привычную опору, оставшись во власти инерции и легкого дрейфа.

Вдох на четыре... Выдох на шесть.

Я интуитивно погасила лишний импульс, прижавшись плечом к холодной металлической балке под потолком. Тео и Лео, слегка смазав траекторию, с глухим стуком уткнулись в соседнюю конструкцию, но тут же закрепились страховочными ремнями.

— Связь с аэранами потеряна, — шепнул по закрытому каналу Тео, его пальцы судорожно бегали по экрану сканера. — Их тепловые сигнатуры ушли в центр зоны. Нас пеленгуют. Справа, примерно в сорока метрах, фиксирую три активных датчика. Идут на сближение.

— Поняла, — так же тихо ответила я. — Лео, держишь сектор семь. Тео, перехватывай их командную частоту на минимальной мощности, попробуем пустить дезинформацию.

— Сделаю, — отозвался Лео, бесшумно взводя затвор им-

пульсного маркера.

В абсолютной темноте, где не было ни верха, ни низа, наш земляной отряд имел неожиданное преимущество. Высшие расы — массивные Тарки и высокомерные Аэраны — привыкли полагаться на открытую силу, скорость тяжелых экзоскелетов или чистую агрессию. Но здесь, в тесных переплетениях технологических коммуникаций, где каждый звук разносился по металлу как эхо, побеждал тот, кто двигался тише и думал на шаг вперед.

— Фиксирую сближение! — предупредил Тео. — До цели двадцать метров. Идут двойкой.

— Ждем, — прошептала я, затаив дыхание и максимально замедляя пульс.

Из глубины синеватой тени показались силуэты чужих кадетов — один тяжелый тарк и быстрый аэран. Они двигались в связке, сканируя пространство перед собой. Вэйлор со своей группой, судя по всему, уже вступил с ними в лобовой контакт на другом фланге, приняв на себя основной удар и отвлекая внимание.

— Сейчас, — скомандовала я.

Лео бесшумно оттолкнулся от балки, используя крошечный рывок ручного маневрового ускорителя, и в доли секунды оказался в слепой зоне аэрана. Два глухих хлопка импульсных маркеров разрезали тишину.

Сенсорные пластины на броне противников ярко вспыхнули красным — система зафиксировала мгновенную бло-

кировку суставов. Соперники безвольно зависли в невесомости, выругавшись по внутренней связи.

— Минус два, — отчеканил Лео, возвращаясь на позицию. — Чисто.

— Не расслабляться, — я перехватила маркер поудобнее, всматриваясь в крошечную тьму, где впереди уже разгорался настоящий шум учебного боя. — Основные силы еще впереди. Вэйлор там, судя по всему, завяз. Пора показать им, как работает земная тактика.

Мы бесшумно скользили вдоль крупных вентиляционных коробов, которые тянулись под потолком ангара. Впереди, в центральном секторе, уже вовсю полыхал учебный бой: мелькали слепые вспышки импульсных выстрелов, а по металлу гулко разносились раскатистые крики и удары.

Судя по тепловым меткам на сканере Тео, отряд Вэйлора угодил в классическую ловушку. Они сбились в плотную группу посреди открытого пространства и пытались держать круговую оборону, но противник превосходил их численно и методично расстреливал со всех сторон.

— Вэйлор и его тарк зажаты у центрального узла, — шепнул Тео, подсвечивая экран запястья тусклым синим светом. — Их осталось двое, остальные условные «трупы». На них идут четверо из враждебного потока. Еще минута — и отряд «Дельта-4» вылетит в полном составе.

— Не успеют, — коротко бросила я.

Я быстро оценила геометрию сектора. Над позицией вра-

га нависали тяжелые распределительные щиты с аварийными ручными фиксаторами. В условиях нулевой гравитации достаточно было сорвать один такой фиксатор, чтобы массивные металлические панели перекрыли им обзор и зажали маневр.

— Лео, берешь верхнюю точку над их флангом. Как только панели пойдут вниз — работай по датчикам движения, без промаха. Тео, переключай мой маркер в режим широко-го импульсного сброса, создадим им ложную тепловую цель правее.

— Понял! — одновременно отозвались ребята.

Секундная задержка на подготовку, и мы синхронно сорвались с мест.

Наш маневр оказался полной неожиданностью для противника, который был полностью сосредоточен на расстреле группы Вэйлора. Тео пустил по внутренней сети серию ложных сигналов, заставив вражеские сканеры фиксировать движение там, где никого не было. Пока те растерянно разворачивали оружие в сторону обманки, Лео короткими точными выстрелами вывел из строя двоих нападавших.

Я же влетела прямо к распределительному щиту, с силой дернув рычаг аварийного сброса. Тяжелые створки со скрежетом сорвались с пазов и с грохотом отрезали оставшихся противников от основной зоны, наглухо заблокировав их сенсоры.

В наступившей тишине раздался раздраженный, но уже

спасенный голос Вэйлора, который висел в невесомости неподалеку, придерживаясь за оплавленную балку:

— Какого... Какого черта вы тут устроили, земляне?! Кто разрешал вам отрываться от...

— Заткнись, Вэйлор, — холодно оборвала я его, перехватывая маркер и проверяя оставшийся заряд. — Твой «веерный поиск» только что чуть не стоил нам победы. Отряд противника полностью нейтрализован. Этап завершен.

В этот же момент по всему периметру Нижнего полигона взлетели яркие белые прожекторы, а над головами раздался механический голос главного инструктора:

— Время вышло. Зона зачищена. Отряд «Дельта-4» — общая победа. Курсантам сдать снаряжение в шлюзе.

Вэлор медленно подплыл ближе, глядя на меня уже совсем другими глазами — в них больше не было высокомерия, только глухое, неприятное осознание того, что земляне оказались на голову выше его тактических схем. Тарк за его спиной молча кивнул мне в знак уважения.

Я выровняла дыхание, чувствуя, как адреналин медленно отступает.

Вдох на четыре... Выдох на шесть.

Пульс — пятьдесят восемь. Отбор был пройден.

В шлюзе возобновилась гравитация, и ноги с привычной тяжестью ступили на рифленый настил. Мы сдавали деактивированные импульсные маркеры и сняли сенсорные пластины.

Тео, вытирая пот со лба, прислонился к перегородке и задумчиво оглядел заполненный кадетами зал: Тарки громко басили, обсуждая промахи, Аэраны сдержанно шипели от досады, а несколько человек из других секторов эмоционально размахивали руками.

— Знаешь, — тихо проговорил Тео, наклонясь ко мне, — я за весь Отбор так и не увидел ни одного кайранца среди кадетов. Только офицеров и куратора Дрейка. Они что, вообще не проходят испытания?

— Проходят. Но на глубоких уровнях Станции, на закрытом полигоне, — ответила я, расстегивая воротник тактического жилета. — У них отдельный поток.

— Почему? Слишком элитные для общего зала?

— Дело не в спеси, Тео. В био-эмпатическом анализе, — я невольно коснулась своего запястья, где до сих пор сохранялся призрачный, обжигающий след от пальцев куратора Дрейка. Воспоминание о том, как легко он считал мой пульс и гормональный скачок, до сих пор отдавало холодом под ребрами. — Я перед Отбором до дыр зачитала открытые архивы Межгалактического Флота по физиологии союзных рас. Аэраны обладают ускоренным восприятием -рефлексов, у Тарков — сверхплотность костной ткани... А вот кайраны — эмпатические хищники. Они считывают нас через тепловые и химические рецепторы.

Тео удивленно моргнул:

— То есть они буквально видят наши эмоции?

— Импульсы, адреналин, страх, бреши в самоконтроле, — уточнила я. — А теперь представь молодой-поток кайранцев, у которых эти рецепторы еще не настроены, в зале, где три сотни рекрутов одновременно фонтанируют паникой и агрессией.

— Сенсорная перегрузка? — догадался Тео.

— Именно. Дикая мигрень и сбой контроля. В методичках для медкорпуса написано, что обучение кайранов начинается с изоляции. Их учат фокусироваться на одном конкретном источнике, глушить чужой шум и не сходить с ума от чужих эмоций. Молодых кайранцев просто нельзя выпускать в общую массу, пока они не научатся ставить блоки.

— Значит, мы столкнемся с ними только на Главной Станции? — вмешался в разговор Лео, подошедший сзади.

— Да, — я посмотрела на массивные гермодвери, за которыми нас уже ждал транспортный шаттл. — Когда их поток закончит барокамеры и жесткий режим, нас объединят в общие корпуса. И вот тогда начнется настоящая учеба.

Разговор пришлось прервать: по предэкипировочному шлюзу прокатился гулкий, низкий сигнал тяжелого оповещения.

Створки центральных гермодверей медленно распахнулись, и в зал вошел куратор Дрейк.

Кайранец двигался с той абсолютной, хищной грацией, которая отличала его расу. На нем была парадная темная шинель Флота с серебряными знаками отличия Жнеца, а золо-

тисто-карие глаза сканировали построение с ледяным спокойствием. В зале мгновенно воцарилась звенящая тишина — даже басистые Тарки затаили дыхание.

— Курсанты, — разнесся по помещению его ровный, но вибрирующий от скрытой силы голос, от которого у меня вдоль позвоночника пробежала мелкая дрожь. — Отборочный этап на Нижнем полигоне официально закрыт. Из трехсот кандидатов в списки Главной Станции зачислены тридцать. Все, кто остался в этом зале. С этой минуты вы — курсанты Межгалактической Академии.

Он не использовал планшетов. Его взгляд медленно скользил по шеренге, фиксируя эмоциональный и тепловой фон каждого стоящего.

— Вы доказали, что умеете стрелять, бегать в невесомости и взаимодействовать с чужими расами, — Дрейк сделал паузу, и его глаза на мгновение зафиксировались на мне. Взгляд кайранца стал уплотненным, сосредоточенным, и в то же мгновение кожи на запястье касалась едва ощутимая, обжигающая волна тепла — верный признак того, что его био-эмпатические рецепторы включились на максимум, сканируя мой гормональный фон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.